

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

от

12 ЯНВ 1983
Газета №

Красногорская тип. 827 10.000

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

с чуткой отзывчивостью

2207
ПРИ ИМЕНИ Алексея Толстого я вспоминаю не только монументальные романы, не только обжигающие пламенем любви и ненависти очерки и рассказы военной поры, не только фильмы и спектакли разных лет, — я вспоминаю еще и его самого.

Это было в 1934 году, на Первом Всесоюзном съезде писателей. В Тбилиси только что вышла на русском языке первая часть моего романа «Долой кукурузную республику». И Мариэтта Шагинян, тогда уже широко известная писательница, в своей речи с похвалой отозвалась о нем.

Сейчас даже трудно вообразить ту мою радость. Едва объявили перерыв, как я кинулся к тбилисскому журналисту Г. Бебутову и попросил представить меня Мариэтте Сергеевне. Каких только благодарных слов не заготовил я! Но, очутившись рядом с ней, растерялся и

так и не смог ничего сказать. Мариэтта Сергеевна шутливо заметила: «Мне казалось, что автор такой книги должен быть более смелым и решительным», — и добавила, что у неё есть и некоторые претензии к роману. Но тут ее перебил густой, приятный голос:

— Что, Мариэтта Сергеевна, беседуете с героем своего выступления?

В человеке, дружелюбно протянувшем мне руку, я тотчас узнал Алексея Николаевича Толстого. Впрочем, узнать его было нетрудно: своей выразительной, колоритной внешностью он невольно привлекал всеобщее внимание. Но как бы догадался, кто я? Между тем Алексей Николаевич продолжал:

— Я тоже читал вашу книгу, дерзкое, энергичное название, способное привлечь читателей.

Произнес еще несколько слов, он повернулся к Мариэтте Сергеевне, стал о чем-то оживленно беседовать с ней. Я же окончательно смешался: было лестно, что мой роман читал сам Толстой, но раз он упомянул одно название, значит, роман его всерьез не заинтересовал? Заметив, что я оказался низвергнутым с небес на грешную землю, Мариэтта Сергеевна улыбнулась: «Ничего, молодой человек, если Алексею Николаевичу понравилось хотя бы название, уже и это немало».

Правда, спустя год-полтора, разбирая на одном из писательских собраний прозу молодых авторов Закавказья, Алексей

Николаевич обратился и к моему роману и на этот раз говорил о нем куда обстоятельнее.

А еще через несколько лет большая группа писателей собралась в Кремле. М. И. Калинин вручал нам ордена и медали. И от имени награжденных выступил Алексей Толстой. Помню впечатление искренности и убедительности от его речи.

Алексей Толстой был глубоко русский писатель с пристальным интересом к русской истории, с богатым, живым и метким русским языком. И русская классическая традиция наделила его чуткой отзывчивостью к культуре и литературе других народов. Он умел показать красоту и силу шевченковского слова, великолепно знал и ценил армянский народный эпос. Он горячо откликнулся на 125-летие нашего Акакия Церетели, вспомнил его замечательные строки:

«Добра желаю всем, без различия национальности, кто является истинным человеком и чье сердце горит огнем правды. И нет для меня большей радости, чем общение и братская дружба с ним!..»

Имя Алексея Толстого стоит в одном ряду с именами М. Горького и А. Фадеева, К. Федина и М. Шолохова... Как мощная корневая система, их творческий опыт, их книги питают всю многонациональную советскую литературу.

ТВИЛИСИ